

В эти дни исполняется 70 лет со дня рождения известного кинорежиссера, народного артиста СССР, одного из основателей кинематографа республики Шакена Кенжетаявича АЙМАНОВА.

ПРИХОДИЛ, КАК ПРАЗДНИК

Кончилось лето, начался сезон гастролей. Верблюды, лошади, ослы навьючены театральным реквизитом и уже готовы к долгим путешествиям по широкому выжженному степей. Издали это шествие напоминает странной балаган, шумливый, озорной табор. Утро в пути, день в пути, ночь в пути...

— Оу, Калеке, — тут же отозвался с ослика кто-то. — Видно, твой верблюд оказался умнее тебя, раз уж остановился и не движется дальше? Все прыснули от смеха. — Не знаю, Шаке, какие у вас связи с моим верблюдом, и что он шепнул тебе, — сразу же напелся Калеке, — но вылитый нам, этому ослику давно надоело таскать твои сверлящие кости. — Если бы не вес, Калеке, тебя можно бы спутать с мягкой подушкой. Ишь как хребет продавил — горбы повывлазили. — А ты привстань, Шаке, — не отставал Калибек-ага, — наверняка на спине беленого ослика две трудовые мошлы, ведь едешь без седла... Ауд напелся ближе к полудню. Местные собаки встретили караван залогом до поселка дружным оркестром шавок и волкодавов. Люди собрались быстро: — Что за шум? — Говорят, артисты приехали из Алма-Аты. Народ в клубе собирают. Узкая, длинная конюшня, переделанная под Дом культуры. Стены нет, занавеси тоже. Осветительные приборы — несколько керосиновых ламп, возле которых трещит цветная мошара. Рама тоже только подразадается. Душно, тесно. Идет спектакль. Вильям Шекспир — «Укрощение строптивой». Когда кончается очередная сцена, актеры отходят в сторону, мокрые от пота, и на общее обозрение выходят другие. Приближалась сцена диалога Петруччио с Катариной.

— Ты у нас самый умный, Шаке, — смеялся Калеке-ага, — коробкой конфет хочешь откупиться от моих дегтишек за «героическую» гибель отца. Нет уж, сам прыгай, и я куплю тебе десять коробок конфет. — Ага! — заторможенный Шаке. — Слышали?! Товарищ Куанышпаев обещал мне десять коробок! Все «задакали», ожидая, что теперь выкинут они. А тем временем Шаке залез на трамплин, разделся и под общий хохот, дрыгая ногами, плюхнулся в воду. — А кто знает, что ему еще на ум придет, — оправдывался проигравший. — Он кого хочешь заставит не то что с трамплина — с телевизора вниз головой за стакан лимонада сигануть. Вот и боишься подковырки. Шаке, мокрый, вылез на берег. Одежда. Зуб на зуб не попадает, а смеется:

— Ну что, Калеке?! А?! — Слушай, сумасшедший, ты кто плавать умеешь? — спросил его. — Что вы, — скороговоркой заговорил Шаке, — я моря-то еще ни разу не видел. День рождения прошел весело. Говорили, что потом Шаке слез с горлом и не мог пить, а Калеке-ага бегал за лекарствами, купил чай и варил бульоны. Злополучные конфеты Шаке и Калеке раздали детям. За окном озорно кружит белый снег. Часы, осужденные на пожизненный бег, считают неуловимые минуты, как пять, десять, семидесять лет назад. Хаджиша рассказывает о Шаке-ага, о своем поколении и заставлял снова задыматься, как все-таки несправедливо время, в которое мы живем, порой оглянуться назад, взглянуть в добрые лица старших, забываем прислушаться к их мудрым, тихим голосам и в очередной раз открыть для себя: «А ведь они правы...» Хаджиша — незаменимая партнерша Айманова по сцене, на протяжении многих лет с триумфом выступала вместе с Шакеном Кенжетаявичем в спектаклях: «Отелло», «Укрощение строптивой», «Глубокие корни», «Дружба и любовь», «Караикчи-Кобланды» и других. Народная артистка СССР, профессор, она воспитала целую плеяду замечательных актеров, лауреатов премии Ленинского комсомола Казахстана, заслуженных артистов республики, среди которых Жанмухаметов, Кудайбергенов, Утекушев, Тастанбеков, Жолжасанов, Кенжетай, Калдыбеков. Они сейчас выступают на сценах областных и столичных театров, с благодарностью вспоминая уроки одного из ветеранов казахстанского театра — Хаджиша Букеевича. Хаджиша — сидит в старом скрипичном кресле, перебирает пожелтевшие и, кажется, еще совсем свежие фотографии. Сотни сцен из спектаклей, кинофильмов.

— Ну что, орлы, — обратился Шаке, — спать опять будем в седле? Поглядите-ка в степь, погуляем. Катарина, Балтиста и Петруччио шли втроем по темной степи. На лицах еще оставались следы легкого грима и тяжелой усталости. Стол именно такой предутренний час, когда вся природа замолкает в ожидании нового дня и дышит последние самые сладкие сны. — Вот куплю со временем просторный светлый дом, — мечтательно воздохнул Петруччио. — Каждое утро буду сажать кедры и яблони. А вас в гости каждый день звать. Как?

— Тебе трудно будет понять, — захохотал он в ответ. Если вспомнить о Шакине, то надо говорить о понятии «свобода». Он всегда и во всем был волен: и на сцене, и в жизни. Но это не пустая свобода, она заключала в себе высокий гражданский дух, и любое его проявление выражалось полнокровно. Он любил мечтать, например, о создании казахского народного театра, в котором бы просвещался его народ, о создании национального кинематографа. И, может быть, поэтому в 1953 году Айманов ушел в кино.

В сороковых годах и снимался в его картине «Райхан», позже — в других фильмах. Но театр Шаке не забывал. Приходил, как сам праздник. Когда он играл, не только зрители у театра бились за билеты, но и сами актеры, отыграв свою сцену, не уходили покурить, поблагодарить, а притискивали смайки и рассаживались за кулисами, с шумом отговаривая лучшие места. Откуда такая притягательная сила? Сергей Бондарчук сказал так о своем друге Шакине: «Его жизненный опыт позволяет глубоко проникнуть в жизнь героя». И согласна с этой точкой зрения.

На кино он смотрел как на общественную кафедру, с которой у зрителя должна быть умная и требовательная к себе, и своим близким. Я не помню, чтобы он грубил женщинам. Шаке любил повторять: «Вежливость украшает человеческие отношения». Но с мужчинами была жестче, часто называла шуточной, Олжас Сулейменов как-то рассказывал, что в некоем споре на работе дело доходило даже до резкости. Но после, успокоившись, Шаке сразу же танул к себе домой — пить чай, перекинуться с шахматами.

Если вспомнить о Шакине — значит говорить о доброте. Он умел впитывать в себя добро, сам был его носителем и очень щедро делился с близкими и знакомыми. И доброту эту ощущал буквально физически. Ведь приходил же люди на один и те же спектакли по десять, по двадцать, по сорок раз, потому что никогда не было копий, всегда присутствовал элемент новизны, импровизации, и, конечно же, со сцены в зал излучалось добро. Я бы хотела оставить людям кусочек такого таланта, если он во мне хоть чуточку имеется, как у Человека-Шакина. И сдана сейчас во втором кресле Шакина, я уверена: он не возражал бы.

Что в нем было истинно человеческого, он вывлек из себя все, до самой последней капли. Мы так не можем. И мечты о своей достиг и дом выстроил, и сотни саженок вырастил, и в гостях мы у него были и, кажется, остались там на всю жизнь.

Е. ТУСУНОВ.
Алма-Ата.

ПРИЗВАНИЕ — ЧЕЛОВЕК



— Тебе трудно будет понять, — захохотал он в ответ. Если вспомнить о Шакине, то надо говорить о понятии «свобода». Он всегда и во всем был волен: и на сцене, и в жизни. Но это не пустая свобода, она заключала в себе высокий гражданский дух, и любое его проявление выражалось полнокровно. Он любил мечтать, например, о создании казахского народного театра, в котором бы просвещался его народ, о создании национального кинематографа. И, может быть, поэтому в 1953 году Айманов ушел в кино.

В сороковых годах и снимался в его картине «Райхан», позже — в других фильмах. Но театр Шаке не забывал. Приходил, как сам праздник. Когда он играл, не только зрители у театра бились за билеты, но и сами актеры, отыграв свою сцену, не уходили покурить, поблагодарить, а притискивали смайки и рассаживались за кулисами, с шумом отговаривая лучшие места. Откуда такая притягательная сила? Сергей Бондарчук сказал так о своем друге Шакине: «Его жизненный опыт позволяет глубоко проникнуть в жизнь героя». И согласна с этой точкой зрения.

На кино он смотрел как на общественную кафедру, с которой у зрителя должна быть умная и требовательная к себе, и своим близким. Я не помню, чтобы он грубил женщинам. Шаке любил повторять: «Вежливость украшает человеческие отношения». Но с мужчинами была жестче, часто называла шуточной, Олжас Сулейменов как-то рассказывал, что в некоем споре на работе дело доходило даже до резкости. Но после, успокоившись, Шаке сразу же танул к себе домой — пить чай, перекинуться с шахматами.

Если вспомнить о Шакине — значит говорить о доброте. Он умел впитывать в себя добро, сам был его носителем и очень щедро делился с близкими и знакомыми. И доброту эту ощущал буквально физически. Ведь приходил же люди на один и те же спектакли по десять, по двадцать, по сорок раз, потому что никогда не было копий, всегда присутствовал элемент новизны, импровизации, и, конечно же, со сцены в зал излучалось добро. Я бы хотела оставить людям кусочек такого таланта, если он во мне хоть чуточку имеется, как у Человека-Шакина. И сдана сейчас во втором кресле Шакина, я уверена: он не возражал бы.

Что в нем было истинно человеческого, он вывлек из себя все, до самой последней капли. Мы так не можем. И мечты о своей достиг и дом выстроил, и сотни саженок вырастил, и в гостях мы у него были и, кажется, остались там на всю жизнь.

Е. ТУСУНОВ.
Алма-Ата.

Сцена из спектакля «Укрощение строптивой». Герои скачут на «лихих» лошадках, впереди Петруччио, за ним Катарина, зади Грумио. Повернувшись лицом к публике, герои объясняются в чувствах. Играть та же музыка, но как меняется ритм этой сцены — какая легкость и задор в их движениях, как открыты их души навстречу счастью! И нет уже упрямых и строптивых. В слаженных движениях Петруччио и Катарини угадывается мир и согласие двух любящих.

Вы слышите эту музыку, вы слышите их голоса?..

— говорили классики. И очень редко случается, чтобы дар актера сливался с необыкновенным даром объяснения, даром любви. Трудно уметь талантливо играть еще труднее талантливо прожить. Он — человек по призванию.

Известно, что люди большую часть жизни проводят на работе. Актер всю жизнь играет разных людей и в каждом из них пытается проявить чуточку себя, что-то из своей природы. Шаке сыграл свыше ста ролей: блестящих, неповторимых, запоминающихся, но та, которую люди запомнят надолго, — это роль Человека. Он и сейчас продолжает играть свою роль, его влияние так осязаемо, что мне порой стыдно за любое проявление жесткости в человеческих отношениях.

Если вспомнить Шакина — значит говорить о постоянном поиске новых трудностей в тяжелых победах, о постоянной вере в лучшее и торжестве человека. Если сравнить наш устремленный с мыслями некоторой части современной молодежи, которая не хочет говорить о прошлом, думать о будущем, лишь существовать сегодняшним днем, то будет похоже на сравнение неба с землей. У нас никогда не было застоя в мыслях.

Недавно один очень известный поэт сказал, что Шаке Айманов не был знаменитым. Наверное, это не так. Он умел завидовать. По-доброму. Людям вообще свойственна зависть, но у кого-то она одна, у другого — иная. Зависть для Шакина была мотором, стимулятором. Он завидовал мудрым, красивым сильным. Он завидовал даже по мелочам. Как-то и пришла к нему и оброчная высокая форма на английском языке.

— Что ты сказала? — удивился он. — Тебе не понять, — неудобно засмеялся я. Чуть позже в какой-то беседе он обратился ко мне с чистым французским прононсом. Выслушав долгую тираду, я изумилась: — Что ты говоришь?

В личном архиве доктора искусствоведения Л. И. БОГАТЕНКОВОЙ хранятся записки бесед с Шакеном Аймановым, письма, фотографии. Все они — свидетельства незабываемых встреч, которые остались не только в памяти театроведов, но и становятся материалом книг — опубликованных и готовящихся к печати.

ФОТОГРАФИИ И ПАМЯТЬ

Чем дальше уходит от нас холодный декабрьский день трагической гибели Шакена Айманова в 1970 году, тем яснее и определеннее вырисовываются истинные масштабы личности этого выдающегося деятеля советской культуры, творца и мастера казахского искусства. Как сказал поэт, «Большое видится на расстоянии». Богатый вклад Шакена Айманова в развитие духовной жизни республики еще не раз привлечет к себе внимание будущих историков казахского театра и кино.

Но уже сегодня нет никаких сомнений в огромности его творческих свершений, и не надо никаких усилий, чтобы доказывать их плодотворность. Само время вписало имя Айманова в историю культурной жизни республики и осветило его ярким светом народного признания и любви.

Народный артист СССР, художественный руководитель студии «Казахфильм», режиссер и актер Шакен Айманов был человеком многогранного таланта. Универсальность дарования определила сложность его творческой судьбы, разделенной как бы на два равнозначных этапа, в чем-то очень тесно переплетенных между собой и вместе с тем во многом несхожих. Первые двадцать лет своей жизни в искусстве Шакен Айманов отдал казахскому театру. Он был актером, режиссером и художественным руководителем Казахского академического театра драмы. А в 1953 году, вдруг резко оборвав свое блестящее восхождение к вершинам сценического мастерства, ушел из театра в кино, увлекая собственным примером режиссеров-казахов в молодое киноискусство республики.

Но как бы талантливо и увлеченно ни работал он в кино, все сделанное им в театре не только не забывалось, но ус-

...Вот Шакен Кенжетаявич рассказывает о своей юности. Он свободно ходит по комнате, а весь его облик незаметно преобразуется и молодеет. Приобретает контуры прочного литья его высокая и статная фигура. Светлеет усталое лицо с жесткими складками никогда не разглаживающихся на щеках морщин.

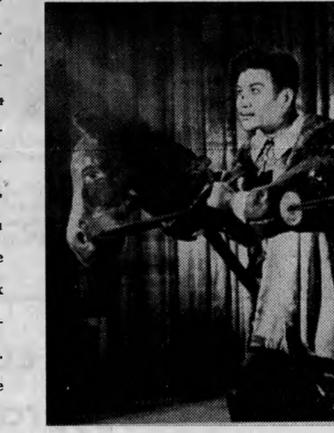
Человек удивительной творческой энергии, деятельность которого была широка и разнообразна, Ш. К. Айманов жил всегда заботами нынешнего дня и, к сожалению, нередко был непрестительно небрежен ко всему тому, что хоть как-то фиксировало, классифицировало и сохраняло для истории казахского искусства богатые плоды его неустанной работы. У него почти не было никакого архива, если не считать каких-то старинных роликов, экспозиций спектаклей и случайно сохранившихся газетных статей о его спектаклях и фильмах. Он сам ругал себя за это и всякий раз, когда не мог разыскать какой-нибудь свой рукописный или напечатанный отзыв, обещал себе и другим вперед не быть таким беспечным. Но ничего не менялось: по первой просьбе он мог отдать любой из еще имевшихся материалов и тут же забыть о нем. Его великодушная профессиональная память, которая сохраняла все, что относилось к жизни его творческого воображения, здесь словно бездействовала. Наверное, можно найти разные объяснения этой черте характера Айманова. Его сильная, неиссякаемая талантливая натура была в самом расцвете, и потому он и не думал о том, что прошлые заслуги могут иметь определяющее значение для оценки его искусства. Прожитые годы вместили в себя очень много для одной человеческой жизни, а ему все казалось, что созданные им прекрасные роли, спектакли, фильмы и в малой степени не выразили мыслей и чувств, которыми так хотелось ему поделиться с миром. Это острое чувство ожидания своей «главной книги», быть может, и объясняет его невнимание ко всему тому, что делалось сегодня. Шакен Кенжетаявич жил так, словно самое важное и сокровенное, о чем знал только он и во что так нескрупулезно верил, ждало его где-то впереди, а вся напряженная, полная рисков и открытий жизнь художника была лишь началом.

Не эта ли устремленность в будущее и делала искусство Ш. Айманова молодым и подлинно современным, заставляя каждый день и час идти навстречу всему новому, что дает наша жизнь?

Искусству Айманова — выдающегося актера и режиссера — предстоит еще долгий путь. Плоды высокого вдохновения художника, который умел слушать пульс времени, и дальше будут активно помогать нам в борьбе за осуществление коммунистических идеалов.

О том, что было...
— В феврале 1914 года в Баян-ауде родился Ш. К. Айманов.
— Начал 30-х годов. Учился в Семипалатинске, в Казахском институте просвещения.
— В 1933 году Айманов заканчивает 3-й курс института и по направлению Наркомпроса приезжает в Алма-Ату.
— 3 сентября 1933 г. впервые переступает порог Казахского театра драмы.
— 1934—1935 гг. Спектакль «Мой друг» Н. Погодина. Первая профессиональная работа — роль Гражданинова.
— 1943 г. Премьера спектакля «Укрощение строптивой» В. Шекспира.
— 1945 г. Ш. Айманов обращается к кинематографу.
— 1952 г. Спектаклю «Абай» присуждается Государственная премия Казахской ССР. Режиссер-постановщик Ш. Айманов.
— 1953 г. Шакен Айманов пришел в кинематограф.
— 1953 г. — первая кинокартина «Пома и любви». В ней снимались известные казахские актеры С. Кожамкулов, Ш. Джандарбеков, С. Майканова, Н. Жантурин, К. Кармысов и др.
— 1954 г. — кинорежиссер Ш. Айманов приступил к съемке фильма «Дочь степей». В главной роли народная артистка Казахской ССР Замзагуль Досанова.
— 1961—1970 гг. — новые работы «Казахфильма» под художественным руководством Айманова «Песня зовет», «Далеко в горах», «Крылья песни», «Дорога в жизнь», «У подножия Найзагаса», «Алдар-Косе», «Ангел в гюбейте»...
— 1958 г. «Атам-сер» — Актюктин Г. Мусрепова. Последняя постановка в театре.
— 1964 г. «Отелло» В. Шекспира — последняя роль в театре.
— Последняя кинокартина Ш. К. Айманова — «Конец атамана».

Е. ТУСУНОВ.
Алма-Ата.



Сцена из спектакля «Укрощение строптивой». Герои скачут на «лихих» лошадках, впереди Петруччио, за ним Катарина, зади Грумио. Повернувшись лицом к публике, герои объясняются в чувствах. Играть та же музыка, но как меняется ритм этой сцены — какая легкость и задор в их движениях, как открыты их души навстречу счастью! И нет уже упрямых и строптивых. В слаженных движениях Петруччио и Катарини угадывается мир и согласие двух любящих.

Вы слышите эту музыку, вы слышите их голоса?..

— говорили классики. И очень редко случается, чтобы дар актера сливался с необыкновенным даром объяснения, даром любви. Трудно уметь талантливо играть еще труднее талантливо прожить. Он — человек по призванию.

Известно, что люди большую часть жизни проводят на работе. Актер всю жизнь играет разных людей и в каждом из них пытается проявить чуточку себя, что-то из своей природы. Шаке сыграл свыше ста ролей: блестящих, неповторимых, запоминающихся, но та, которую люди запомнят надолго, — это роль Человека. Он и сейчас продолжает играть свою роль, его влияние так осязаемо, что мне порой стыдно за любое проявление жесткости в человеческих отношениях.

Если вспомнить Шакина — значит говорить о постоянном поиске новых трудностей в тяжелых победах, о постоянной вере в лучшее и торжестве человека. Если сравнить наш устремленный с мыслями некоторой части современной молодежи, которая не хочет говорить о прошлом, думать о будущем, лишь существовать сегодняшним днем, то будет похоже на сравнение неба с землей. У нас никогда не было застоя в мыслях.

Недавно один очень известный поэт сказал, что Шаке Айманов не был знаменитым. Наверное, это не так. Он умел завидовать. По-доброму. Людям вообще свойственна зависть, но у кого-то она одна, у другого — иная. Зависть для Шакина была мотором, стимулятором. Он завидовал мудрым, красивым сильным. Он завидовал даже по мелочам. Как-то и пришла к нему и оброчная высокая форма на английском языке.

— Что ты сказала? — удивился он. — Тебе не понять, — неудобно засмеялся я. Чуть позже в какой-то беседе он обратился ко мне с чистым французским прононсом. Выслушав долгую тираду, я изумилась: — Что ты говоришь?

В личном архиве доктора искусствоведения Л. И. БОГАТЕНКОВОЙ хранятся записки бесед с Шакеном Аймановым, письма, фотографии. Все они — свидетельства незабываемых встреч, которые остались не только в памяти театроведов, но и становятся материалом книг — опубликованных и готовящихся к печати.

ОСТАЛИСЬ

Чем дальше уходит от нас холодный декабрьский день трагической гибели Шакена Айманова в 1970 году, тем яснее и определеннее вырисовываются истинные масштабы личности этого выдающегося деятеля советской культуры, творца и мастера казахского искусства. Как сказал поэт, «Большое видится на расстоянии». Богатый вклад Шакена Айманова в развитие духовной жизни республики еще не раз привлечет к себе внимание будущих историков казахского театра и кино.

Но уже сегодня нет никаких сомнений в огромности его творческих свершений, и не надо никаких усилий, чтобы доказывать их плодотворность. Само время вписало имя Айманова в историю культурной жизни республики и осветило его ярким светом народного признания и любви.

Народный артист СССР, художественный руководитель студии «Казахфильм», режиссер и актер Шакен Айманов был человеком многогранного таланта. Универсальность дарования определила сложность его творческой судьбы, разделенной как бы на два равнозначных этапа, в чем-то очень тесно переплетенных между собой и вместе с тем во многом несхожих. Первые двадцать лет своей жизни в искусстве Шакен Айманов отдал казахскому театру. Он был актером, режиссером и художественным руководителем Казахского академического театра драмы. А в 1953 году, вдруг резко оборвав свое блестящее восхождение к вершинам сценического мастерства, ушел из театра в кино, увлекая собственным примером режиссеров-казахов в молодое киноискусство республики.

Но как бы талантливо и увлеченно ни работал он в кино, все сделанное им в театре не только не забывалось, но ус-

ФОТОГРАФИИ И ПАМЯТЬ

Чем дальше уходит от нас холодный декабрьский день трагической гибели Шакена Айманова в 1970 году, тем яснее и определеннее вырисовываются истинные масштабы личности этого выдающегося деятеля советской культуры, творца и мастера казахского искусства. Как сказал поэт, «Большое видится на расстоянии». Богатый вклад Шакена Айманова в развитие духовной жизни республики еще не раз привлечет к себе внимание будущих историков казахского театра и кино.

Но уже сегодня нет никаких сомнений в огромности его творческих свершений, и не надо никаких усилий, чтобы доказывать их плодотворность. Само время вписало имя Айманова в историю культурной жизни республики и осветило его ярким светом народного признания и любви.

Народный артист СССР, художественный руководитель студии «Казахфильм», режиссер и актер Шакен Айманов был человеком многогранного таланта. Универсальность дарования определила сложность его творческой судьбы, разделенной как бы на два равнозначных этапа, в чем-то очень тесно переплетенных между собой и вместе с тем во многом несхожих. Первые двадцать лет своей жизни в искусстве Шакен Айманов отдал казахскому театру. Он был актером, режиссером и художественным руководителем Казахского академического театра драмы. А в 1953 году, вдруг резко оборвав свое блестящее восхождение к вершинам сценического мастерства, ушел из театра в кино, увлекая собственным примером режиссеров-казахов в молодое киноискусство республики.

Но как бы талантливо и увлеченно ни работал он в кино, все сделанное им в театре не только не забывалось, но ус-

...Вот Шакен Кенжетаявич рассказывает о своей юности. Он свободно ходит по комнате, а весь его облик незаметно преобразуется и молодеет. Приобретает контуры прочного литья его высокая и статная фигура. Светлеет усталое лицо с жесткими складками никогда не разглаживающихся на щеках морщин.

Человек удивительной творческой энергии, деятельность которого была широка и разнообразна, Ш. К. Айманов жил всегда заботами нынешнего дня и, к сожалению, нередко был непрестительно небрежен ко всему тому, что хоть как-то фиксировало, классифицировало и сохраняло для истории казахского искусства богатые плоды его неустанной работы. У него почти не было никакого архива, если не считать каких-то старинных роликов, экспозиций спектаклей и случайно сохранившихся газетных статей о его спектаклях и фильмах. Он сам ругал себя за это и всякий раз, когда не мог разыскать какой-нибудь свой рукописный или напечатанный отзыв, обещал себе и другим вперед не быть таким беспечным. Но ничего не менялось: по первой просьбе он мог отдать любой из еще имевшихся материалов и тут же забыть о нем. Его великодушная профессиональная память, которая сохраняла все, что относилось к жизни его творческого воображения, здесь словно бездействовала. Наверное, можно найти разные объяснения этой черте характера Айманова. Его сильная, неиссякаемая талантливая натура была в самом расцвете, и потому он и не думал о том, что прошлые заслуги могут иметь определяющее значение для оценки его искусства. Прожитые годы вместили в себя очень много для одной человеческой жизни, а ему все казалось, что созданные им прекрасные роли, спектакли, фильмы и в малой степени не выразили мыслей и чувств, которыми так хотелось ему поделиться с миром. Это острое чувство ожидания своей «главной книги», быть может, и объясняет его невнимание ко всему тому, что делалось сегодня. Шакен Кенжетаявич жил так, словно самое важное и сокровенное, о чем знал только он и во что так нескрупулезно верил, ждало его где-то впереди, а вся напряженная, полная рисков и открытий жизнь художника была лишь началом.

Не эта ли устремленность в будущее и делала искусство Ш. Айманова молодым и подлинно современным, заставляя каждый день и час идти навстречу всему новому, что дает наша жизнь?

Искусству Айманова — выдающегося актера и режиссера — предстоит еще долгий путь. Плоды высокого вдохновения художника, который умел слушать пульс времени, и дальше будут активно помогать нам в борьбе за осуществление коммунистических идеалов.

О том, что было...
— В феврале 1914 года в Баян-ауде родился Ш. К. Айманов.
— Начал 30-х годов. Учился в Семипалатинске, в Казахском институте просвещения.
— В 1933 году Айманов заканчивает 3-й курс института и по направлению Наркомпроса приезжает в Алма-Ату.
— 3 сентября 1933 г. впервые переступает порог Казахского театра драмы.
— 1934—1935 гг. Спектакль «Мой друг» Н. Погодина. Первая профессиональная работа — роль Гражданинова.
— 1943 г. Премьера спектакля «Укрощение строптивой» В. Шекспира.
— 1945 г. Ш. Айманов обращается к кинематографу.
— 1952 г. Спектаклю «Абай» присуждается Государственная премия Казахской ССР. Режиссер-постановщик Ш. Айманов.
— 1953 г. Шакен Айманов пришел в кинематограф.
— 1953 г. — первая кинокартина «Пома и любви». В ней снимались известные казахские актеры С. Кожамкулов, Ш. Джандарбеков, С. Майканова, Н. Жантурин, К. Кармысов и др.
— 1954 г. — кинорежиссер Ш. Айманов приступил к съемке фильма «Дочь степей». В главной роли народная артистка Казахской ССР Замзагуль Досанова.
— 1961—1970 гг. — новые работы «Казахфильма» под художественным руководством Айманова «Песня зовет», «Далеко в горах», «Крылья песни», «Дорога в жизнь», «У подножия Найзагаса», «Алдар-Косе», «Ангел в гюбейте»...
— 1958 г. «Атам-сер» — Актюктин Г. Мусрепова. Последняя постановка в театре.
— 1964 г. «Отелло» В. Шекспира — последняя роль в театре.
— Последняя кинокартина Ш. К. Айманова — «Конец атамана».

Е. ТУСУНОВ.
Алма-Ата.



Сцена из спектакля «Укрощение строптивой». Герои скачут на «лихих» лошадках, впереди Петруччио, за ним Катарина, зади Грумио. Повернувшись лицом к публике, герои объясняются в чувствах. Играть та же музыка, но как меняется ритм этой сцены — какая легкость и задор в их движениях, как открыты их души навстречу счастью! И нет уже упрямых и строптивых. В слаженных движениях Петруччио и Катарини угадывается мир и согласие двух любящих.

Вы слышите эту музыку, вы слышите их голоса?..

— говорили классики. И очень редко случается, чтобы дар актера сливался с необыкновенным даром объяснения, даром любви. Трудно уметь талантливо играть еще труднее талантливо прожить. Он — человек по призванию.

Известно, что люди большую часть жизни проводят на работе. Актер всю жизнь играет разных людей и в каждом из них пытается проявить чуточку себя, что-то из своей природы. Шаке сыграл свыше ста ролей: блестящих, неповторимых, запоминающихся, но та, которую люди запомнят надолго, — это роль Человека. Он и сейчас продолжает играть свою роль, его влияние так осязаемо, что мне порой стыдно за любое проявление жесткости в человеческих отношениях.

Если вспомнить Шакина — значит говорить о постоянном поиске новых трудностей в тяжелых победах, о постоянной вере в лучшее и торжестве человека. Если сравнить наш устремленный с мыслями некоторой части современной молодежи, которая не хочет говорить о прошлом, думать о будущем, лишь существовать сегодняшним днем, то будет похоже на сравнение неба с землей. У нас никогда не было застоя в мыслях.

Недавно один очень известный поэт сказал, что Шаке Айманов не был знаменитым. Наверное, это не так. Он умел завидовать. По-доброму. Людям вообще свойственна зависть, но у кого-то она одна, у другого — иная. Зависть для Шакина была мотором, стимулятором. Он завидовал мудрым, красивым сильным. Он завидовал даже по мелочам. Как-то и пришла к нему и оброчная высокая форма на английском языке.

— Что ты сказала? — удивился он. — Тебе не понять, — неудобно засмеялся я. Чуть позже в какой-то беседе он обратился ко мне с чистым французским прононсом. Выслушав долгую тираду, я изумилась: — Что ты говоришь?

В личном архиве доктора искусствоведения Л. И. БОГАТЕНКОВОЙ хранятся записки бесед с Шакеном Аймановым, письма, фотографии. Все они — свидетельства незабываемых встреч, которые остались не только в памяти театроведов, но и становятся материалом книг — опубликованных и готовящихся к печати.

ОСТАЛИСЬ

Чем дальше уходит от нас холодный декабрьский день трагической гибели Шакена Айманова в 1970 году, тем яснее и определеннее вырисовываются истинные масштабы личности этого выдающегося деятеля советской культуры, творца и мастера казахского искусства. Как сказал поэт, «Большое видится на расстоянии». Богатый вклад Шакена Айманова в развитие духовной жизни республики еще не раз привлечет к себе внимание будущих историков казахского театра и кино.

Но уже сегодня нет никаких сомнений в огромности его творческих свершений, и не надо никаких усилий, чтобы доказывать их плодотворность. Само время вписало имя Айманова в историю культурной жизни республики и осветило его ярким светом народного признания и любви.

Народный артист СССР, художественный руководитель студии «Казахфильм», режиссер и актер Шакен Айманов был человеком многогранного таланта. Универсальность дарования определила сложность его творческой судьбы, разделенной как бы на два равнозначных этапа, в чем-то очень тесно переплетенных между собой и вместе с тем во многом несхожих. Первые двадцать лет своей жизни в искусстве Шакен Айманов отдал казахскому театру. Он был актером, режиссером и художественным руководителем Казахского академического театра драмы. А в 1953 году, вдруг резко оборвав свое блестящее восхождение к вершинам сценического мастерства, ушел из театра в кино, увлекая собственным примером режиссеров-казахов в молодое киноискусство республики.

